

ЛИ БЕРГЕР
и ДЖОН ХОКС

ПОЧТИ ЧЕЛОВЕК

Как открытие Homo naledi изменило
нашу историю

Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог.....	11
Часть I. Путь в Южную Африку.....	21
Часть II. Открытие sediba.....	87
Часть III. Открытие naledi.....	145
Часть IV. Изучение naledi.....	237
Эпилог.....	302
Участники экспедиций 2008–2015.....	308
Библиография.....	310
Список иллюстраций.....	316
Об авторах.....	318

Посвящается нашим родным, поддержавшим нас в этом увлекательном путешествии, а также всей нашей команде, благодаря которой это путешествие стало возможным

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

КЛЮЧЕВЫЕ МЕСТА ПОИСКОВ «НАЧАЛ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

Колыбель человечества

Охраняемый ЮНЕСКО памятник всемирного наследия

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

ПРОЛОГ

Протиснувшись между провисшими ржавыми проволоками сетки резервата, я придавил нижние ногой, чтобы мой сын Мэтт и наш молодой родезийский риджбек Тау тоже смогли пролезть; они резво проскочили внутрь, даже раньше, чем я успел до конца раздвинуть для них прутья.

Нас сопровождал Джоб Кибии — худощавый кениец, кандидат наук по палеоантропологии. Мы оба с улыбкой наблюдали за юной энергией наших спутников. Я раздвинул проход чуть шире для Джоба, и мы вместе направились к небольшой группе диких олив и каркасов*, в тени которых уже резвились обогнавшие нас Мэтт и Тау.

— Вот оно, — произнес я, указывая в сторону деревьев, — удивительно, что я не нашел это место раньше!

Джоб молча кивнул, обозревая бескрайние пейзажи Колыбели человечества. Колыбель — охраняемый ЮНЕСКО объект всемирного наследия, находится совсем недалеко от моего дома в Йоханнесбурге, столице Южной Африки. Отъехав всего лишь на каких-то пару десятков километров

* Род листопадных, реже вечнозеленых деревьев семейства коноплевые. *Прим. ред.*

от огромного пятимиллионного мегаполиса, попадаешь в совершенно другой мир. Тут царит первозданно девственная природа — с зебрами, антилопами, жирафами, даже леопардами и гиенами. Колыбель также и одно из самых популярных мест проведения раскопок на планете; мировая известность пришла к ней в основном в золотом веке палео-антропологии (с середины 1930-х и вплоть до 1970-х годов), когда здесь были обнаружены пещеры с ископаемыми останками древних людей возрастом до трех миллионов лет.

Вот уже 18 лет как я исследовал Колыбель, а последние несколько месяцев занимался здесь разработкой новых местонахождений окаменелостей. Было прохладное и безоблачное утро 15 августа 2008 года — обычное зимнее утро в Высоком Велде*. Я и представить не мог, что всего через несколько минут вся моя жизнь изменится безвозвратно благодаря находке, сделанной мальчиком и его собакой.

Я прорабатывал идею, которая появилась у меня благодаря технической ошибке десятилетней давности, но обнаруженной мною всего несколько месяцев назад. В прошлом декабре я стал просматривать столь хорошо знакомый мне район Колыбели при помощи спутниковых снимков с Google Earth. Первым делом я, конечно же, разыскал спутниковые изображения собственного дома и убедился,

* Плато в Южной Африке (1300–2000 м над уровнем моря). Образовано почти горизонтально залегающими песчаниками, сланцами и другими осадочными породами. Над ними возвышаются изолированные вершины — копьес. *Прим. ред.*

что, слава богу, спутник не сфотографировал, как я загораю у бассейна. Затем я начал искать известные мне места проведения раскопок. Проект Google Earth был только запущен, но поскольку я исследовал Колыбель с помощью портативного GPS-приемника с 1998 года, я очень хорошо знал эти места и мог буквально по памяти воспроизвести координаты всех стоянок и пещер.

Я начал со снимков пещеры Глэдисвэйл, расположенной почти в самом центре Колыбели. В этой пещере я работал еще в 1991 году и обнаружил там два зуба гоминина. Гоминины — иногда их еще называют гоминидами* — общее название вида, к которому принадлежит современный человек, а также вымерших видов, генетически более близких к нему, нежели чем к каким-либо современным крупным человекообразным обезьянам. Останки гомининов — бесценные находки для изучения нашего происхождения.

В последующие полтора десятилетия, вопреки моим ожиданиям, особых сокровищ среди тонн камня и осадочной породы, которые мы извлекли в ходе исследования Глэдисвэйл, найдено не было. Мои коллеги, студенты и лично я обнаружили тысячи и тысячи окаменелых костей антилоп и лишь фрагменты останков одного или двух гомининов. Тем не менее мне очень понравилось это место, понравилось

* Современная классификация такова: в семейство гоминиды входит подсемейство гоминины, в которое, свою очередь, входит триба гоминини. Таким образом, термин «гоминид» приобрел в современной антропологии более широкое значение, уступив свои первоначальные функции — описывать современного человека разумного и его ближайших (живущих ныне или вымерших) родственников — термину «гоминин». *Прим. науч. ред.*

ощущение пребывания в дикой природе; я даже полюбил разглядывать эти бесчисленные кости, пусть это были кости антилоп, а не гомининов.

Итак, я ввел в Google Earth координаты пещеры Глэдисвэйл: помню, как спутниковое изображение моего дома на экране резко сменилось на общий вид планеты из космоса, а затем, взяв северо-западнее и круто спикировав, спутник приблизил Колыбель. Знакомые холмы, ручьи и долины становились все крупнее и четче, но когда спутник закончил приближение, я неожиданно обнаружил, что на экране был совсем не Глэдисвэйл — это была какая-то долина метрах в трехстах от пещеры! Я ввел координаты другого места, где работал, — пещеры Купера: вновь взлет под облака, и на этот раз курс на юго-запад. И вновь спутник показал мне неверное место. В ужасе я стал вводить координаты одного места за другим и всякий раз получал совсем не то, что искал. Неужели я ошибся с записью координат? Выходит, я проработал с неверными данными целое десятилетие?

Вскоре я выяснил, что в 1990-е годы портативные GPS-приемники были еще довольно примитивными и часто давали ошибочные результаты (отчасти потому, что GPS-технологии были разработаны для нужд военных и ошибки были намеренно внедрены в архитектуру системы на случай перехвата информации). Итак, это означало: чтобы увидеть с Google Earth известные мне местонахождения (всего более 130), необходимо было вручную исправлять координаты каждого из них.

Пришлось тщательно просматривать, буквально прочесывать местность на экране. Поначалу я был сильно

расстроен — ведь нужно было исправлять результаты многолетней работы. Однако мало-помалу я стал замечать, что ошибки в координатах заставили меня взглянуть на объекты своих исследований под другим углом, а именно — с высоты птичьего полета. Рассматривая одну стоянку за другой, я подумал, что всякий раз место чем-то отмечено: либо есть скопление деревьев, либо те или иные повреждения земной коры. Порой пещеры располагались практически вплотную друг к другу почти в линейном порядке, отражавшем разломы и прочие геологические повреждения, благодаря которым они и образовывались. Я все яснее представлял себе, что в районе Колыбели человечества должно находиться большое количество неизвестных доселе пещер.

На огромном пласте доломитового известняка располагаются 250 тысяч гектаров Колыбели. Крайне прочная, мало подверженная эрозии порода (местные жители называют ее «слоновья шкура») часто пробивается сквозь толщу земли, образуя каменистый ландшафт, богатый скалами и утесами. Разломы и трещины позволяют воде попадать внутрь доломитовых слоев, постепенно, за миллионы лет, создавая впадины и расщелины. Тысячелетиями множество самых разных животных пользовались для своих нужд этими углублениями в породе, часто оставляя там кости — свои или своей добычи. По мере того как вода просачивалась внутрь, кости, перемешиваясь с камнем и землей, образовывали плотно спрессованную, цементобразную массу, которую называют «брекчия». Брекчии Колыбели подарили мировой науке множество бесценных находок, значительно расширивших наши представления об эволюции человека.

В феврале 2008 года я начал проверять свою гипотезу о неизвестных пещерах старым добрым опытным путем, пешком обходя все места. Оказалось, что примерно в каждом десятом случае моя гипотеза подтверждалась — показатели, чрезвычайно высокие для археологии. К июлю 2008 года мне удалось обнаружить почти 600 доселе неизвестных пещер и местонахождений окаменелостей, и это в одном из наиболее исследованных археологами мест на Земле!

Место, к которому Мэтт, Джоб и я шли тем августовским днем 2008 года, я наметил двумя неделями раньше. Мое внимание привлекло тогда обилие деревьев. Оливы и нектандры с давних пор сделались моими верными проводниками по Колыбели. Они часто росли вблизи входов в пещеры: из-за разломов в породе в местах образования пещер корни деревьев имели доступ к воде даже в период засухи.

Эти деревья впереди ничем не отличались от прочих. По дороге, вдоль которой они росли, я проезжал сотни раз. Но тут же, совсем рядом с ними, пролежала и старая шахтерская тропа, которую я никогда раньше не замечал, предполагавшая наличие пещер. Местные шахтеры добывали не золото — здесь велась богатая добыча известняка. Динамитом взрывали толщу породы, поднятые взрывом на поверхность куски кальцита обжигали в печах и получали негашеную известь, нужную для производства цемента или добычи золота из руды. В общем, широкая разработка известняка в местных пещерах не прошла бесследно для ландшафта, однако я, не теряя надежды, без усталости изучил

пещеру за пещерой. В конце концов, я любил это место — оно было моей лабораторией и моим домом, я знал каждый здешний уголок, наверное, лучше, чем кто бы то ни было.

Лишь небольшой холм отделял нас от Глэдисвэйл — пещеры, где я безуспешно пытался отыскать останки гомининов. За долгие годы работы я повидал сотни подобных мест и был готов к рутинному исследованию камней, обломков костей и всему такому. Словом, находясь на потенциальном местонахождении окаменелостей, я не питал ложных надежд, но готов был к кропотливой исследовательской работе.

— Ну что, посмотрим? — произнес я, сдвинув шляпу к затылку. Вопрос был риторическим, ведь именно за этим мы здесь и оказались.

Пока мы шли, я внимательно рассматривал почву под ногами на предмет любых аномалий ландшафта. Повсюду лежали мелкие известковые осколки, указывая на шахтерскую тропу, будто хлебные крошки в сказке. Крупные куски брекчии, вероятно, вынесенные наружу взрывной волной, лежали повсюду вдоль нашего пути к основной яме, появившейся в результате взрывных работ. Я заметил интересный кусок брекчии размером с баскетбольный мяч и жестом пригласил Джоба взглянуть. Мэттью и Тау тоже глядели на нас с любопытством.

— А вот и первая находка, — произнес я, поворачивая камень так, чтобы Джобу и Мэтту было лучше видно, и провел пальцем вдоль оранжеватой кости внутри шоколадно-коричневой брекчии.

— Метаподия антилопы? — произнес Джоб.

Я кивнул. Джоб — эксперт в области живой и ископаемой фауны, этим утром он присоединился к нам в надежде дополнить свои исследования описанием новых находок.

— И ведь вечно одни антилопы... — Я с усмешкой покачал головой. — Так много антилоп, и так мало гомининов.

Я знал людей, совершивших крупные научные открытия — крупные настолько, что после них мир уже не мог быть прежним. У меня, к сожалению, таких не было. Но все же я считал, что мне повезло: к 42 годам я был успешным ученым с внушительным послужным списком печатных и полевых работ. За 19 лет кропотливых поисков среди тысяч костей животных мне удалось найти около дюжины фрагментов скелетов гомининов.

Палеоантропология — наука о происхождении человека — нелегкая, с крайне высоким уровнем соперничества, безжалостная дисциплина. Один мой коллега как-то пошутил, что палеоантропология, вероятно, единственная наука, в которой больше исследователей, чем объектов исследования. И это, пожалуй, действительно так: в условиях такого дефицита данных даже крошечная находка — какая-нибудь челюсть или что-нибудь в этом духе — может сделать вам имя.

Но теперь, стоя здесь, я питал большие сомнения, что здесь вообще будет хоть что-нибудь. Эта яма была не в пример меньше тех мест в Колыбели, где были найдены окаменелые останки гомининов. Шансы, думал я, невелики, и даже если одна из сотен тысяч костей и будет костью гоминина, все равно понадобится для начала найти такое огромное количество ископаемых останков, а в этой крошечной яме

они не поместились бы физически. Таким образом, вероятность успеха мне казалась довольно низкой. Впрочем, Мэтт пылал энтузиазмом, и я не хотел смущать его.

Шахтеры явно работали в спешке: по следам на стенах можно было судить, где были заложены динамитные заряды, после взрыва которых здесь повсюду оказались обломки брекчии. Работы в этом месте закончились вскоре после нескольких взрывов и передвинулись дальше вглубь долины.

— Ну, за дело! Вперед, на поиски ископаемых! — сказал я Джобу и Мэтту. — Если найдете что-нибудь, сразу зовите меня. Посмотрим, чем она нас порадует.

Мэтт и Тау сразу же ринулись в высокую траву в сторону от ямы. Верно, они решили погонять местных антилоп, вместо того чтобы рыскать в поисках останков гомининов, подумал я, с улыбкой глядя, как Мэтт несется прочь вслед за Тау.

— Они как будто специально взорвали всего несколько зарядов, чтобы выложить дорогу. — Я обернулся к Джобу, указывая на тропу у пещеры: малые осколки камня были, будто нарочно, уложены ровным слоем. — Известняка здесь немного, непохоже, чтобы они здесь пробыли долго.

Раздался голос Мэтта:

— Папа, я нашел окаменелость!

Он был метрах в двадцати от меня, в высокой траве, где, конечно, никаких ископаемых быть не могло. Мы с Джобом переглянулись. Пожав плечами, я сказал:

— Пойду посмотрю, что там у него.

Мэтт стоял на коленях у расколотого молнией пня: в центре пня зияла огромная дыра с обугленными рваными краями. Держа в руках камень размером с мяч для регби,

Мэтт, сияя, обернулся ко мне. Тау лежал тут же, рядом, взволнованно дыша, подняв уши при моем появлении.

Мэтт был слишком далеко от пещеры, чтобы найти что-нибудь стоящее; даже если он и нашел какую-то окаменелость, вероятно, это была очередная кость антилопы. Но это был мой девятилетний сын, а я всегда поощрял в своих детях любознательность и жажду совершить какое-то открытие.

Я перевел глаза с Мэтта на камень; время будто остановилось.

Люди, пережившие автомобильные аварии, порой описывают произошедшее как черно-белый немой фильм. Примерно так я запомнил тот момент. Из камня отчетливо торчала кость: я сразу же узнал ее — это была ключица гоминина. Эта форма была мне отлично известна, потому что я писал свою диссертацию о ключице древнего человека. Я все еще не верил своим глазам. Но когда взял окаменелость в руки и вблизи рассмотрел небольшую S-образную кость, подумал: «А что еще это может быть?!»

Я стал вертеть в руках камень: с другой стороны был клык, часть челюсти и еще несколько костей поменьше. То были самые что ни на есть кости гоминина. И наконец, в куске камня было еще несколько посткраниальных* фрагментов скелета.

Мэтт говорит, что я выругался. Не знаю, может, и так. Но что бы я тогда ни сказал или сделал, одно знал точно: и моя, и его жизнь с этого момента изменится навсегда.

* То есть скелет или фрагменты скелета, расположенные ниже черепа.
Прим. науч. ред.

ЧАСТЬ I

ПУТЬ В ЮЖНУЮ
АФРИКУ

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

ГЛАВА 1

Сколько себя помню, я всегда любил копать в земле, надеясь обнаружить что-нибудь древнее.

Когда мне было девять, моя семья жила на небольшой ферме недалеко от городка Сильвания в штате Джорджия. Больше всего я любил проводить время на улице. Дни напролет я гулял по окрестным лесам, плавал в ручьях и прудах, обшаривал поля на предмет каких-нибудь интересных старых вещей, словом, отлично проводил время — жизнь-мечта деревенского ребенка.

Оттуда же и мое первое воспоминание, связанное с археологией: как-то, гуляя по свежевспаханному полю, я нашел наконечник стрелы. Принес домой свою драгоценную находку и показал отцу — он объяснил мне ее происхождение и назначение. Потом он достал книжку издательства Time Life, посвященную американским индейцам, и оставил меня наедине со всей серией книг. Мысль о том, что много-много лет назад здесь жили люди и делали орудия из камня, восхитила меня. Как и большинство мальчишек моего возраста, я сходил с ума от динозавров, и такой постер, конечно, висел у меня в спальне. Но этот наконечник — это было что-то иное, что-то, найденное чуть

ли не на заднем дворе, что-то, что возможно было найти! Поиски древних артефактов стали для меня своего рода навязчивой идеей.

Дед по материнской линии был одновременно гордым потомком выходцев из Ирландии и гордым сыном американского Юга; он посвятил немало времени и сил исследованию обеих этих ветвей родословного дерева и мог часами рассказывать мне о наших предках. А отец отца — дедушка Бергер — был спекулянт, как их тогда называли: не спекулянт, который играет на биржах и прочее, а тот, который бурит наудачу скважины в надежде найти нефть. Дед исколесил весь Техас в надежде на большой куш, который он так никогда и не сорвал, но благодаря бесконечному бурению скважин лишился нескольких пальцев. Бабушка Бергер тоже была довольно эксцентричной особой: она была пилотом малогабаритных самолетов и держала дома шимпанзе. Одним словом, эти двое были авантюристы, и мой отец часто рассказывал истории из своего детства, проведенного в трейлере, прицепленном к кадиллаку последней модели.

Мотаясь с родителями, мой отец никогда подолгу не жил на одном месте. Он учился одновременно в Техасском механико-сельскохозяйственном и Арканзасском университетах, где познакомился с моей мамой. Она, как и ее родители, была учителем. После свадьбы отец пошел работать страховым агентом. Когда мой старший брат Ламонт был совсем маленьким, семья переехала в городок Шони в штате Канзас, где родился я. Несколько лет кряду семье приходилось перебираться следом за отцовской работой

из Канзаса в Коннектикут и затем в Джорджию, где отец устроился в местную страховую фирму.

В духе 1970-х родители пробовали питаться «собственной» пищей: завели кур, несколько коров и еще целый зверинец разного мелкого скота. Наш первый дом в Сильвании был построен из сосновых досок на кирпичном основании, чтобы в летний зной дом легче охлаждался. Крыша была из простой жести, а половицы сопровождали каждый шаг скрипами и стонами. На участке было болотце и небольшой ручей; мой отец соорудил плотину, пытаясь сделать пруд, однако лишь привлек несколько сотен голодных водоплавающих птиц. В общем, этот дом был более чем скромным жилищем, однако для меня он был сущим раем. Я был юным натуралистом и все свое время проводил на природе.

Сильвания — крохотный населенный пункт с тремя тысячами жителей, настоящая сельская глушь. Но я не сидел без дела: пел в хоре, играл на саксофоне, состоял в бойскаутах и 4-Н*. Ближе к моим старшим классам мы переехали на новую ферму. Здесь было куда просторнее, что-то около 500 акров с прудами и огромным сосновым бором. Конечно, школьные занятия меня интересовали гораздо меньше, чем исследование окрестных лесов, охота, рыбалка и прочие радости жизни. Домашние задания представлялись мне ненужными и мешавшими изучать

* Молодежная организация в США, в настоящее время действует в 80 странах мира. Четыре буквы «Н» означают head, heart, hands, health — голову, сердце, руки, здоровье. *Прим. пер.*

природу, плавать, гонять на велосипеде по пересеченной местности и играть в теннис.

Тогда же я пробовал начать собственное дело: занялся разведением йоркширских поросят. Надо сказать, я не только скопил на этом довольно приличную сумму (эти деньги мне сильно помогли позднее), но и лично убедился, какая огромная ответственность лежит на плечах каждого фермера. Время от времени родители возили нас с братом на выставки: его — с премированными коровами, меня — с премированными поросятами. Еще я был активным бойскаутом: участвовал в проекте Eagle Scout по спасению черепах-гоферов (впоследствии их включили в список охраняемых видов рептилий штата Джорджия). И все же любую свободную минуту я тратил на исследование полей, оврагов и прочих мест, где потенциально можно было найти древние индейские артефакты.

Как часто бывает с детьми в небольшом городке, всевозможные внешкольные занятия помогали мне познавать мир намного успешнее, чем уроки, и мне это очень нравилось. На очередном съезде 4-H по штату Джорджия меня избрали президентом организации; поросят у меня было уже почти 50 голов, и каждый мой день начинался в пять утра, чтобы задать корма поросятам и нашим легавым. По выходным я подрабатывал диджеем на маленькой радиостанции WSYL, вещавшей в AM-диапазоне с аудиторией в пару сотен слушателей. Мне дали стипендию ВМС США на обучение в Университете Вандербильта — и, видимо, потому, что я болтал без остановки, учителя и родители в один голос советовали мне выучиться на юриста. Итак,

я собрал чемоданы в дорогу и отправился в Нэшвилл, штат Теннесси.

Учеба многое изменила в моих взглядах на жизнь. Как стипендиат ВМС я каждое утро был обязан подолгу заниматься физической подготовкой. Вечернее время было посвящено встречам с новыми знакомыми, собраниям в студенческом братстве, вечеринкам и так далее. Учебные мои дела шли совсем не так гладко: выяснилось, что я терпеть не могу экономику, политологию и тому подобное — словом, вообще все курсы по введению в право. В группе я не прижился, и оценки мои были так себе.

С другой стороны, я посещал много интересных факультативов: записался на курсы видеографии и геологии, посещал лекции по истории религии и науки. Впервые в жизни я видел людей, которые сделали делом своей жизни изучение камней и земли. Никогда — читая ли книгу о динозаврах или рыская по полям в поисках индейских древностей — я не думал об этом с точки зрения возможной карьеры. И вот передо мной было множество студентов и маститых ученых, изучавших вещи, которые я люблю, и, очевидно, получавших от этого занятия большое удовольствие. Я стал посещать выездные занятия, на которых студенты искали окаменелости в окрестных горах. Все чаще и чаще задавал себе вопрос: «А смогу ли я этим заниматься?»

Тут-то, однако, и была главная проблема: военно-морские силы потратили целое состояние и уйму времени на

то, чтобы я стал офицером и юристом, а я был очень занят именно тем, чтобы этого никак не произошло.

Моим куратором со стороны ВМС был лейтенант Рон Стайтс — офицер морской авиации, живой пример того, каким должен быть офицер ВМС США. Всякий раз, стоя навытяжку у него в кабинете, я чувствовал, как у меня дрожат колени. Мое будущее было в его руках. Я стоял перед ним в своей белой морской форме, дрожа всем телом от волнения, а на столе перед ним лежала выписка о моей академической успеваемости.

— Бергер, что ты здесь видишь? — спросил он, подвигая ко мне выписку. Я и без выписки прекрасно знал о своих бесчисленных «неудах» и «незачетах» по всем основным предметам. «Отлично» и «зачеты» по факультативам мало помогли моему скромному среднему баллу за семестр, а ВМС США, конечно, не особенно желали тратить деньги, чтобы я собирал камешки и учился видеосъемке. Еще один такой семестр — и меня, несомненно, лишат стипендии, а в этом случае я обязан буду отработать средства, потраченные на мое образование, в качестве рядового.

Прокручивая все это в уме, я пробормотал в ответ что-то вроде:

— Полный провал...

Улыбка скользнула по его лицу, он задумчиво покачал головой и произнес:

— Нет, Бергер. Не полный. Сокурсники уважают тебя и ценят твое мнение: ты — прирожденный лидер. Все дело только в оценках. — Он постучал пальцами по выписке. — Я вижу молодого человека, который еще не понял, чем ему

нужно заниматься в жизни. — И он указал на мои «отлично» по геологии.

Помню, как я растерянно переводил взгляд с его пальца на лицо и обратно: вот уж чего не ожидал услышать от морского офицера, курировавшего мою успеваемость.

Несколько мгновений он смотрел мне в глаза, а затем спросил:

— Что ты думаешь по этому поводу?

Я слегка мотнул головой и пожал плечами: я действительно не знал. Вся моя жизнь была распланирована от и до, и вариантов было совсем немного. Светлые головы из сельской Джорджии зачастую шли одной из трех или четырех проторенных дорожек: стать врачом, юристом, инженером или бухгалтером.

— Быть может, мне стоит послужить рядовым немного, разобраться в себе? — протянул я.

Он отрицательно покачал головой:

— Не нужно тебе служить, Бергер. — Его взгляд задержался на мне всего на мгновение, но мне показалось, что прошла целая вечность. — Я скажу тебе, как поступлю. Если ты обещаешь мне, пока твои оценки окончательно не испортились, написать заявление о добровольном выходе из образовательной программы по стипендии ВМС, выяснить, чем ты хочешь заниматься, приняться за дело, а затем вернуться, я прямо сейчас освобожу тебя от всех обязательств перед ВМС США.

Я стоял как громом пораженный: меня словно вдруг освободили после долгого заключения — ну, или у меня хотя бы появились серьезные основания на это надеяться.

— Да, сэр. Спасибо, сэр, — кивая, благодарил его я.

Я все сделал именно так, как он советовал.

Дома меня приняли, прямо скажем, без особого воодушевления: я должен был стать воплощением успеха — член Eagle Scout, избранный президент 4-Н, стипендиат ВМС США... И вот я вернулся домой ни с чем. Родители были разочарованы. Тут-то мне и пригодились деньги, скопленные на моих поросятах.